

Как история используется для объяснения настоящего: естественное и представленное прошлое

Заключение

Зерубавель ставит вопрос: «Как же на самом деле нам удастся установить историческую преемственность между практически не пересекающимися во времени событиями, посредством которой множество совершенно не связанных образов преобразуются в, по-видимому, ясную, непрерывную общность?» В этой статье рассмотрено взаимодействие исследователей современности с историей. В том числе и этнологов, которые часто подвергаются критике за уже устоявшееся восприятие истории, как чего-то оторванного от настоящего, от повседневной реальности, хотя не они одни следуют этому убеждению. По иронии судьбы объектом статьи была выбрана этнология из-за восприимчивости её исследователей к данной проблематике. Анализируя социальное устройство в своих работах, этнологи часто задумываются о том, как при расширении границ пространства исследования оставить содержание его объектов неизменным.

В результате проведенного исследования было выявлено несколько возможных вариантов восстановления исторической целостности. Во-первых, вместо восприятия истории в качестве чего-то неизменного, находящегося за пределами исследования, в рамки которого этнографы её помещают, им следует быть внимательными к тому, что их объекты обращаются к прошлому, как сплошной, непрерывной конструкции, которая берет своё начало из настоящего. Таким образом, были выявлены две различные трактовки истории – такая история, которая воспринимается как нечто оторванное от настоящего и существующее само по себе, и та, в которой прошлое активно используется для демонстрации взаимосвязей с настоящим. Этнографы и другие исследователи современности, как правило, относятся к прошлому, как к чему-то самостоятельному, воспринимая его как неотъемлемую и реальную основу, содержащую исторические факты, которые уже были зарегистрированы в качестве случившихся. В противовес этому, опрашиваемые в проведенном исследовании создавали прошлое в основном из личного опыта и использовали его как инструмент для обоснования настоящего. В этом случае прошлое – это не то, что было «до» и влияет на «сейчас», а это продукт настоящего, который и придает прошлому определенную форму. Оно возникает не из реальной исторической документации, а от людей, которые используют свою память и воображение. Как показали исследования коллективной памяти, прошлое, пересекающееся с настоящим, было важно для правильного восприятия изучаемых людей, т.к. оно обнаружило коллективные представления, ценности и особенности общества, которые значительно отличались от исторических описаний. Это дает преимущество воспоминаниям детства и личному опыту, приобретенному с течением жизни, а также опыту, полученному от друзей и членов семьи.

Кроме того, исследователям следует быть внимательными не только к тому, как их объекты создают историческое повествование, они также должны рассматривать и прошлое в их собственном восприятии. В самом деле, ученые, занимающиеся изучением коллективной памяти, отмечают, что понимание прошлого как экспертом, так и обывателем основывается на перспективах и смыслах, достигнутых за счет взаимодействия и отражающих интересы и злободневные вопросы своих создателей. Бёрс предлагает исследователям признать различия в понимании истории их объектами и ими самими, нежели чем пытаться избежать наслоения устоявшейся европейской хронологии на индивидуальное понятие времени. Как показывает данный случай, разрозненность в понимании существует не только между различными культурами, но и в пределах одной из них. Именно поэтому ученым следует понять, как именно построено прошлое, особенно когда их собственная версия отличается, или даже противоречит той, что они получают от объектов исследования.

Это касается также того, как исследователь понимает и интерпретирует различные версии прошлого, показывающие реальный ход событий, рассматривая мнения как его самого, так и изучаемых объектов, и учитывая тот факт, что официальный вариант прошлого мог быть навязан властями. В то время как профессионалы притязали на подлинную и авторитетную историю, жители Огдена в значительной степени просто пренебрегали этими описаниями. Альтернативные истории, на которые ссылались жители, позволяли игнорировать утверждения экспертов, заменяя их на версии, отражающие, сохраняющие и прославляющие их общество. Речь идет не о том, чтобы этнологи и остальные исследователи современности избегали или не принимали во внимание исторические источники, а скорее о том, что им следует воспринимать все описания прошлого как взаимосвязанные и равные. Они должны знать о существовании столь значительных различий в восприятии прошлого между их объектами и ими самими.